

Светлана Амосова

Поминальные дни у евреев на Смоленщине и Брянщине¹

В начале августа 2015 года наша экспедиция оказалась в г. Рославле Смоленской области. Даты экспедиции были выбраны случайно, но по счастливому совпадению 9 августа на еврейском кладбище Рославля – поминальный день, в который собрались все члены еврейской общины города, при этом многие бывшие жители Рославля и их потомки приехали в этот день на кладбище специально. Выяснилось, что 9 августа, а точнее, первое воскресенье августа, – поминальный день, когда вся община приходит на кладбище. Мы установили, что это воскресенье заменило традиционный поминальный для данной общины день – *Тиша бе-Ав*. В 2015 году случилось красивое совпадение: 9 Ава стало 9-м августа.

Столь важное значение 9 Ава как поминального дня и дня посещения кладбища для всей общины, с одной стороны, выглядело для нас несколько удивительным, потому что до этого мы работали с «южной» – подольской и бессарабской – традициями, где поминальный период приходится

на месяц элул, и каждый человек самостоятельно выбирает день посещения кладбища (обычно понедельник или четверг) (см. об этом подробнее: [Дымшиц 2008, 137–138]), а Тише бе-Ав в Подолье либо не помнят вообще, либо помнят лишь как день поста и день памяти о разрушении храма, в связи с этим днем рассказывают обычно о том, что мужчины постились и ходили без обуви (в знак траура), а мальчики собирали репейник и кидали им во взрослых [Veidlinger 2013, 153]. В то же время из различной мемуарной и художественной литературы нам было известно о том, что 9 Ава в некоторых белорусских местечках – не только день поста в память о разрушенном храме, но и день посещения кладбища². Американская

² Например, мы встречаем такое описание посещения кладбища 9 Ава в книге «Шкловцы» Залмана Шнеура: «Этим летом Тишебов выпал на особенно жаркий день. Стоял изнуряющий зной, разлив парил. На краю неба, с западной стороны, притаились синеватые, остроконечные холмики облаков, затянутые не предвещающим ничего хорошего маревом. Ослабевшие, измученные постом евреи плелись по улицам в шерстяных чулках,

¹ Работа выполнена по гранту РНФ 15-18-00143.

антрополог Саша Голубофф, описывая поминальные практики 9 Ава у горских евреев, показывает, что ряд исследователей концептуализируют поминальные традиции этого дня в диаспоре через связь с еврейской историей и оплакиванием разрушенного храма и утраченной родины [Голубофф 2015, 34], поэтому указанный день в ряде общин в диаспоре является не только днем поста и памяти о разрушенном храме, но и поминальным днем умерших родственников и других членов общины.

Наблюдения и интервью, собранные в этот день на кладбище, и стали основой для дальнейшего направления в сборе и поиске материалов в указанном и соседних регионах. В ходе этой работы мы увидели, что у евреев в Смоленском регионе кроме 9 Ава есть еще и второй поминальный день, который устойчиво называется «еврейской Радоницей»³ (*Лаг ба-Омер*) – по аналогии со славянским поминальным днем, который очень широко распространен в данном регионе; кроме того, нам удалось выявить некоторые особенности (как традиционные, так и новые) поминальных практик у евреев.

Материалами для статьи послужили результаты включенных наблюдений в общинах Брянской и Смоленской областей во время поминальных дней (в Рославле, кроме 9 августа 2015 года, мы были 7 мая в 2017 году, а в Сураже и Унече – на Лаг ба-Омер в мае 2017 года), а также интервью с членами общины, собранные во время экспедиций 2015–2017 гг., всего было проанализировано 140 интервью, для сравнения привлекались ма-

вялые и безмолвные, как осенние мухи. Те, кто покрепче, пешком, в одних чулках, как Закон велит, отправились в Рыжковичи на кладбище» [Шнеур 2012, 51].

Ср. также описание еврейского кладбища в Риге: «<...> Кроме нескольких дней, весь год напролет здесь царит непрерывная торжественная «кладбищенская тишина». Только дважды в год: 9 Ава (в августе месяце) – в день разрушения Иерусалимского храма, и день перед «Йом Кипур» (день покаяния) евреи толпами стекаются на «могилы отцов». Здесь со всех сторон сотрясают воздух плачи и молитвы. Вымолив лучшее будущее и дав пожертвование на благотворительность, евреи покидают кладбище <...>» [Lancmanis и др. 1933, 13; перевод с латышского И. Ленского].

³ Радоница – девятый день после Пасхи в православной традиции, так называемая Пасха мертвых.

териалы из соседних регионов – г. Лепель (Витебская обл., Белоруссия) и г. Климовичи (Могилевская обл., Белоруссия), а также из г. Невеля (Псковская обл., Россия).

Основной целью статьи является описание поминальных практик у евреев на Смоленщине и Брянщине, но при этом я не буду обращаться к описанию годовщин смерти (*йорцат*), хотя о том, что этот день является важным для индивидуального поминовения умерших, говорили все наши информанты (все они совершают какие-либо обрядовые действия в этот день – зажигают свечи, ходят в синагогу или на кладбище, зачастую этот день определяется не по еврейскому календарю, а по григорианскому).

Случай Рославля

Кладбище в Рославле (так же, как и община) – довольно новое в сравнении с другими местечками данного региона. Известно имя основателя еврейского кладбища в городе, а также год основания – оно появилось в 1913 г. благодаря местному владельцу стеклодувной фабрики Якову Марковичу Магидсону. Самая старая часть кладбища не сохранилась, но есть часть 1930-х гг. (самое раннее захоронение из обнаруженных датируется 1934 г.), регулярные захоронения начинаются с начала 1950-х гг. До последнего времени соблюдалось жесткое разделение на мужские и женские ряды, начиная с 2000-х годов традиция несколько меняется и допускаются смешанные захоронения: рядом могут находиться могилы мужа и жены, однако нужно отметить, что многие пожилые люди относятся к этому негативно и видят в этом влияние смешанных браков и православной русской традиции. За территорией кладбища во рву находится братская могила жертв Холокоста, там стоит памятник, перед спуском к нему со стороны кладбища сделаны ворота, которые обычно закрыты на ключ.

В Рославле, как я уже отметила выше, два основных поминальных дня – Тише бе-Ав и Лаг ба-Омер. При этом нужно сказать, что никто из наших информантов еврейских названий этих праздников почти не помнит и – что особенно важно – почти никто не соотносит поминальные даты, которые приняты в общине, с какими-либо еврейскими праздниками. Многие члены общины

Памятник основателю кладбища Якову Марковичу Магидсону на кладбище в Рославле (август 2015, фото из архива Центра «Сэфер»)

Рославля говорили о том, что этот день (9 августа) был установлен недавно, а дата была выбрана произвольно общиной, что подобные практики не приняты у евреев в других местах, а второй поминальный день (весенний), по их мнению, связан с 9 мая – традиционным советским поминальным днем⁴:

⁴ С одной стороны, «совмещение» Лаг ба-Омера и 9 мая характерно для других мест этого региона: например, информантка из Починка рассказывала о том, что на кладбище ходят 9 мая, а также в «день после Пасхи»:

Соб.: А вот в какой день принято у евреев на кладбище ходить?

Инф.: На кладбище знаю, что после Пасхи в какой-то день, но точно я не могу сказать. Или через неделю, или больше, наверное. Не могу сказать точно. Мы и без этого дня всегда ходим, но обычно мы узнаем. Мы 9 мая

Это мы установили, а такого в еврейской традиции нет. Каждый идет, поминает своих умерших. [Ros_15_02_Kozlova]

Инф. 2: Нет, нет. Мы два раза в год собираемся на кладбище 9 мая и 9 августа.

Соб.: А почему именно в эти дни?

Инф. 1: Сами установили. <...> Мы ходим на кладбище. Лена [дочь] вчера говорила с Анютой [внучка]. Лена сказала: «Аннушка, нам завтра на

всегда ходим. На папин как бы день рождения и когда кончилась война, мы всегда ходим. <...>

Соб.: А как Вы узнаете, про этот день, когда после Пасхи?

Инф.: Узнаю про день поминовения от племянницы из Израиля, мы часто звоним, и она говорит: вот в этот день нужно ходить. Поскольку каждый раз по-новому, наверное, и Пасха бывает по-разному. [Rosh_16_05_Fragina]

Стол при входе на кладбище в Рославле (май 2017, фото из архива Центра «Сэфер»)

кладбище, праздник». А она: «Мама, какой праздник, нет никакого». А Лена сказала, что их знакомая Лиля сказала, что будет 9 абба: «Мама, бог с Вами. 9 абба – это поминальный день и ни в коем случае нельзя ходить на кладбище». Мы взяли [с] дочкой проверили календарь – действительно никакого праздника нету. [Ros_15_05_Mirkina]

Часть членов общины все же помнит о том, что оба эти дня весной и летом связаны с еврейскими праздниками, и эта традиция существует долгое время, а выбор именно воскресного дня обусловлен современными обстоятельствами (тут надо отметить, что соблюдается запрет на посещение кладбища в субботу, в то время как у соседей-христиан традиционный поминальный день именно суббота):

Раньше и здесь, в Рославле, и у нас, в Брянске, на Лаг Ба-Омер ходили. Я недавно прочитала, что это праздник веселый, там вспоминают какого-то святого, не помню какого, ходят как бы на его могилу там, в Израиле. Может, поэтому, наверное, не знали толком. Было принято ходить на Лаг-Ба-Омер. И здесь вначале так же было. А вот лет пять или шесть, вот, 9 мая ходили. Как бы праздник,

много участников войны похоронено. А в этом году 8 мая почему-то сделали. Потом в августе бывает, где-то конец июля, тоже было 9 ава, ну потом перешли, чтобы был выходной день – воскресенье, чтобы люди могли прийти, приезжают из Смоленска, еще откуда-то. Но больше всего бывает именно в мае. В августе уже поменьше. [Rosl_16_07_Ryklich]

Посещения кладбища и 7 мая 2017 г., и 9 августа 2015 г. были похожи. Так, в августе 2015-го на кладбище было порядка 90 человек, а 7 мая 2017-го – более ста. Оба раза помимо членов еврейской общины Рославля на кладбище были выходцы из Рославля, приехавшие из Смоленска, Израиля и других мест, были неевреи, которые посещали могилы коллег, соседей и друзей. Так, зимой 2017 года умерла учительница русского языка и литературы Серафима Козлова – 7 мая на кладбище были ее бывшие ученики. Накануне поминальных дней активисты общины просят убрать могилы и приводят в порядок все кладбище: косят траву, выкорчевывают кустарник, спиливают старые деревья. В поминальный день при входе на кладбище разворачивают небольшую торговлю цветами и венками, при входе ставится стол,

на котором устанавливается коробка для сбора пожертвований – эти деньги идут на содержание кладбища.

Люди обычно приходят семьями или по одному, кладут цветы, некоторое время проводят у могилы. Никакого общего «сбора», «митинга» или коллективной молитвы ни в один из поминальных дней не было. Старожилы рассказывают, что до 1970-х годов в Рославле был человек, который умел читать кадиш, и он специально приходил на кладбище в этот день, его приглашали к могиле родственника, и так он ходил от могилы к могиле, читал кадиш и получал за это деньги, сейчас такого человека в общине нет, но никого специально для этого не приглашают и самостоятельно тоже ничего не читают⁵.

В современной ситуации в Рославле, как и во многих других местах, происходит обсуждение: что нужно приносить на могилу – цветы или камни. Несмотря на то, что некоторые люди говорят, что видели или узнали о том, что в Израиле приносят камни, зажигают свечи, считают, что по еврейской традиции траурные венки не нужно класть, тем не менее все приносят цветы (чаще всего искусственные), реже – камни и свечи.

Соб.: А можно что-то приносить на кладбище?

Инф.: Это русский обычай. Так я не близко живу, я – учительница, и приехать сюда на чем-то. Я узнала, что в Израиле носят такие камешки. И я ношу. Потому что не знаю совершенно обычай, я принесу цветы, а их надо убирать, а я не приду, и мне будет обидно. А это я им сказала, что я у них была. [Ros_15_02_Kozlova]⁶

⁵ В Невеле (Псковская обл.) в 2008 году такой человек был, и многие члены общины говорили о том, что во время поминального дня (9 Ава) его приглашают для чтения кадиша:

Инф.: <...> В нашем краю это произношение «Тишебов».

<...>

Соб.: А что делают на кладбище?

Инф.: Просто стоят, просят Березина [фамилия члена общины, который обыкновенно читает кадиш – прим. авт.] прочитать кадиш для родителей, у него русскими буквами написано. [Nev_08_027_Monosov]

⁶ Ср. также:

Соб.: Что принято приносить на могилки? Цветы?

Одна из могил после посещения кладбища 9 августа 2015 г. (фото из архива Центра «Сэфер»)

Кроме того, в нескольких местах были замечены повязанные на ограды, окружающие могилы, георгиевские ленточки⁷; скорее всего, это могилы тех, кто участвовал во Второй мировой войне, надо отметить, что подобная практика была отмечена на многих других, не только еврейских, кладбищах.

Все это можно отнести к общему кругу поминальных практик, но существуют и индивидуальные, которые сформировались под влиянием каких-либо обстоятельств. Тут надо отметить, что в Рославле такого материала было зафиксировано

Инф. 1: Мы – цветы живые, раньше – живые, а потом перешли на искусственные, потому что...

Инф. 2: Стали по-израильски пробовать камушки ложить, что они не пошли у нас.

Инф. 1: Кто приезжает из Израиля, они камушки кладут, подходишь – на могилках лежат камушки, а так – цветы. [Rosl_16_07_Ryklich]

Однако, например, житель города Унеча (Брянская обл.) подчеркнул, что старая традиция – приносить камни на могилу, а цветы – это советская традиция: «...цветы нельзя носить. Это мы выдумали их. Российские евреи. Приносят камушки. Вот, гранитные камушки, и ложат камушки» [Unech_17_01_Heifec_2]

⁷ Георгиевская ленточка – небольшой отрезок ленты с желтыми и коричневыми полосками, она соответствует орденой колодке медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 2005 года раздается в рамках общественных акций в память о победе во Второй мировой войне.

сравнительно немного. Так, например, все наши информанты подчеркивали, что на еврейское кладбище нельзя приносить еду и выпивку, но на одной из могил лежали апельсины, и вдова покойного объяснила это так:

Соб.: А скажите, почему тут апельсины и мандарины лежат?

Инф.: Он очень хотел апельсинов, а в то время достать апельсины было целое дело. Когда один мужчина пошел по благу, достал эти апельсины, он принес, а он умер. И вот он каждый год приходит и приносит ему апельсины. [Ros_15_01_Gamburg]

В то же время православные члены семьи приносят какую-либо поминальную еду (обычно что-то сладкое: конфеты и шоколад), и строгого запрета на подобные практики нет, но при этом подчеркивается, что это не часть еврейского поминального обряда:

У него два сына, а у них русские девочки, и они пришли, положили шоколадки. Сладости на могилу кладут православные родственники. А у нас папа – еврей, и мы – евреи. В их еврейской семье класть сладости не принято, поэтому мы никогда ничего не ложим. [Ros_15_05_Mirkina]

Ряд правил посещения кладбища упоминались лишь в отдельных интервью. К таким относится, например, правило, предписывающее после посещения кладбища мыть руки и не вытирать их, или правило, предписывающее при выходе с кладбища рвать траву и кидать ее через плечо. Впрочем, нами не было зафиксировано, чтобы кто-либо из посетителей кладбища так делал. При этом упоминания об этих обрядовых действиях довольно редки и в интервью из Рославля. Для сравнения участниками экспедиции в г. Лепеле (Витебская обл., Белоруссия) было зафиксировано, что так делали люди, которые выходили с еврейского кладбища [см. подробно: Белова 2015, 109], а в нескольких интервью из Невеля (Псковская обл.) содержится подробное описание данного обычая:

Я знаю, что с кладбища надо возвращаться другой дорогой. Знаю, что перед уходом надо кидать три

раза траву через плечо и мыть руки. Я по возможности это делаю. [Nev_08_027_Monosov]

В целом можно сказать, что поминальные дни в мае и в августе очень похожи, но 9 августа ворота к братской могиле были открыты и большинство тех, кто приходил на кладбище, спустились к памятнику жертвам Холокоста и клали цветы, а вот 7 мая ворота были закрыты и никто из присутствующих на кладбище туда не ходил. Неясно, происходит ли так каждый год и можно ли говорить о том, что 9 Ава – это еще и день памяти жертв Холокоста, а поминальный день в мае относится только к похороненным на кладбище. В этой связи интересно, что израильский историк Мордехай Альтшулер приводит донесение уполномоченного по делам религии в Украине о том, что 9 Ава отмечают только постом, но этот праздник становится днем памяти всех замученных и пострадавших в Холокосте евреев [Altshuler 2012, 64]. В Украине (в частности в Подолии) 9 Ава не являлось традиционным днем посещения кладбищ. Учитывая все эти обстоятельства, описанная тенденция особенно интересна, но иных подробностей об этой традиции нам не известно. Эта традиция смыкается с тем, что мы наблюдали на кладбище в Рославле. Между тем другой израильский историк, Леонид Смиловицкий, описывая поминальные практики, связанные с Холокостом в конце 1940 – начале 1950-х гг. в Белоруссии, пишет, что жертв Холокоста обычно поминали 9 мая и 22 июня (если не получилось в эти дни, то переносили на ближайшее за поминальным днем воскресенье), обычно все члены еврейской общины (мужчины, женщины, дети) шли на места массовых расстрелов, ветераны войны и партизаны надевали ордена и медали. 8 или 9 мая стали традиционными днями поминовения во многих местах Белоруссии. Многие люди, которые спаслись во время войны, приезжали со своими детьми и внуками в эти дни в места, где были во время войны, специально копили деньги на эту поездку в течение всего года [Smilovitskii 2014, 166]. Эта традиция несколько отличается от того, что мы наблюдали в Рославле и других местах Смоленщины в настоящее время. Так, например, в Монастырщине к братской могиле принято ходить 9 января (в день расстрела) и 9 мая, а день

традиционного посещения кладбища, который старожилы помнят (но сейчас в этот день не ходят), – это Лаг ба-Омер⁸.

В принципе мы видим, что в Рославле и в бывших еврейских местечках неподалеку, в отличие от многих других мест бывшего СССР, сохранилось минимальное количество традиционных практик⁹. Сохраняются некоторые привязки к традиционным поминальным еврейским дням, характерным для данного региона. При этом нужно отметить, что не появилось и никаких новых обрядовых действий (например, коллективных молитв на кладбище или «митинга» и пр.). В целом, поминальные дни являются, пожалуй, единственным временем для сбора всей еврейской общины (ее актуальных членов и выходцев), кладбище становится местом встречи. Вообще в Рославле, в отличие от многих других мест, у общины нет никакого своего помещения, члены общины не собираются на еврейские праздники и какие-либо другие мероприятия. Сейчас у общины есть только кладбище, где люди собираются два раза в год. Во время этих встреч происходит обмен новостями, решаются разные проблемы (в том числе обсуждаются проблемы трудоустройства, сватовства и пр.), собираются деньги на содержание кладбища. Участие в этих поминальных днях – это почти единственное, что по сути формирует и консолидирует в данный момент еврейскую общину Рославля.

⁸ Инф. 2: Летом на кладбище ходят на Радуницу, но по нашему – это другой день, у русских это 9 день после Паски проходит.

Инф. 1: Она не в число бывает.

Инф. 2: А, у нас позже – в июне, в этом году 4 июня.

Инф. 1: У нас как совпадает по календарю.

Инф. 2: У нас календарь есть, нам смоленская община календарь присылает.

Соб.: А на место расстрела Вы вот ходите?

Инф. 2: Да. <...> 9 января их расстреляли, потом День Победы. [Mon_15_02_Cherniny]

⁹ Нужно отметить, что в других местах, находящихся по соседству с Рославлем в Смоленской области, где живут в настоящий момент лишь по несколько евреев (Монастырщина, Починок, Шумячи), не сохранилось традиции ходить на кладбище в еврейские поминальные дни. Несколько человек в Монастырщине вспомнили о том, что раньше ходили весной – в начале лета на какой-то праздник, но сейчас так уже не делают.

Случай Суража

Материалами для этого раздела послужили интервью, собранные в ходе летней экспедиции 2016 г. и результаты наблюдений на кладбище Суража в мае 2017 г. Для сравнения мы будем привлекать материалы из соседнего местечка – Унечи. Сураж с начала XIX в. и до 1919 г. входил в состав Черниговской губернии. Еврейское кладбище Суража расположено на берегу р. Ипать и занимает довольно большую территорию, самая старая часть, которую удалось обнаружить в ходе обследования кладбища, датируется второй половиной XIX в. (1882 г.). При этом на кладбище несколько участков с захоронениями и довольно много свободного места в центральной части и на обрывистом берегу реки. В центральной же части напротив входа расположена братская могила, куда были перенесены останки погибших с места расстрела во время Холокоста, около могилы два памятника – небольшой, поставленный в советское время, и стена с именами погибших, установленная уже в 2000-е гг.

В Сураже на кладбище обычно ходят один раз в год на Лаг ба-Омер (*Лаг Беймер* в местном произношении), хотя чаще всего этот день называется «Еврейская Радуница», такое название характерно не только для этого региона; этот праздник так называют и в Смоленской области, такое же название было зафиксировано и в г. Лепеле Витебской области (Белоруссия) – как уже было отмечено выше, см.: [Белова 2015, 108].

Все наши информанты летом 2016 г. говорили о том, что всегда ходят и ходили на кладбище по еврейскому календарю, никогда этот день не переносился на воскресенье или какие-либо другие дни. В 2017 г. Лаг ба-Омер пришелся на 15 мая, воскресенье. Всего на кладбище в этот день пришло более 150 человек, в основном это были жители города, однако среди пришедших были и те, кто специально приехал на кладбище в этот день из Брянска, Иванова и Одессы. Кладбище было приведено в порядок еще в начале мая при подготовке к празднованию дня Победы, некоторые могилы были приведены в порядок накануне (помыты памятники, убраны ветки и пр.), однако некоторые пришедшие мыли памятники и прибирали утром в день праздника. Уже утром у памятника жертвам Холокоста стоял траурный

Мужчины перед коллективной молитвой на кладбище в Сураже на Лаг ба-Омер (май 2017 г., фото из архива Центра «Сэфер»)

венки, как объяснил потом председатель общины – накануне 9 мая они возложили венки к могиле на кладбище и к памятнику на месте расстрела, а 9 мая не ходили на кладбище. Большая часть людей, приходя на кладбище, подходила к одной из могил и затем переходила к другим, большинство были семьями. Интересно, что часть семей приходили с детьми, и вообще о традиционном запрете на посещение детьми кладбища до момента, пока живы родители, в Сураже никто не знал. Надо отметить, что, в отличие от Рославля, возле некоторых могил в Сураже сделаны столики (как обычно на православных кладбищах). Большинство пришедших ничего не пили и не ели у могил, но некоторые пили чай, оставляли конфеты, а также давали всем проходящим к захоронению сладости «на помин души». Большая часть собравшихся подчеркивала, что на еврейском кладбище не принято оставлять еду, в отличие от христианского, и не принято устраивать трапезу на могилах.

В 11 утра, когда люди в основном уже собрались на кладбище и посетили могилы своих родствен-

ников, начался «митинг» около братской могилы. Нужно отметить, что до «митинга» рядом был установлен ящик для цдаки, сделаны две груды камешков¹⁰ (при этом большинство людей шли к могилам с искусственными или живыми цветами) и поставлены свечи. Около братской могилы собралась группа из десяти мужчин, которые надели головные уборы, все остальные стояли в стороне. Сначала небольшую речь сказал действующий председатель общины, а затем исполняющий роль раввина в общине¹¹ прочитал молитву на русском языке, после чего были зажжены свечи, еще было сказано несколько слов о том, что этот день – традиционный день поминовения, и в этот день

¹⁰ Тут надо отметить, что эти камешки специально принесли активисты общины, и человек, который исполняет роль раввина, сказал, что большинство людей не знает, для чего они нужны, но так должно быть по еврейскому обычаю.

¹¹ Вообще этот человек работает инженером на картонной фабрике, родился и вырос во Львове, а в Сураж попал по распределению после окончания института.

После коллективной молитвы. Около памятника жертв Холокоста зажжение свечей (май 2017 г., фото из архива Центра «Сэфер»)

в Сураже принято приходить на кладбище. После «митинга» большинство людей подходили к ящичку для пожертвований и оставляли деньги, часть после окончания «митинга», а некоторые еще до начала его подходили к новому памятнику жертвам Холокоста и клали камешки или цветы (реже – конфеты) в нишу с фамилиями (вероятно, родственников или близких людей), часть людей подходили, но ничего не клали. После «официальной» части всех пригласили к столу. У могил никто не произносил кадиш и никто не помнит каких-либо традиционных формульных текстов, которые положено произносить при посещении кладбища.

Стол был накрыт на берегу реки, довольно далеко от могил. Этим занимались женщины, которые традиционно готовят в общине на еврейские праздники (шаббат, Песах и другие)¹². Большая

часть еды была приготовлена заранее и принесена из дома – это были салаты, которые раскладывали по тарелкам, бутерброды и т.п. Как объяснили нам женщины, это то, что традиционно готовят они в такой день – салаты (из яиц и лука), бутерброды со сливочным маслом и луком, тертой морковью и чесноком, вареные яйца, колбаса (вареная и копченая), фрукты (бананы, яблоки и апельсины), огурцы, конфеты, а также компот и алкогольные напитки (самогон). На трапезу пришли не все присутствовавшие на кладбище, но примерно человек 20–30. Перед трапезой все мыли руки (вода была принесена заранее). Такое застолье продолжалось примерно час, в это время велись бытовые разговоры, обсуждались новости, много внимания было уделено нам (т.е. гостям, которые приехали специально в этот день). Надо отметить, что большинство присутствующих мужчин почти

¹² В отличие от Рославля и многих других мест, в Сураже довольно активная община. У нее есть дом, где члены общины собираются на все еврейские праздни-

ки, а также довольно регулярно на шаббат. Обычно в эти дни бывает молитва и трапеза.

не пили алкогольные напитки, так как приехали на кладбище на автомобилях.

Все члены общины, с кем мы беседовали в тот день, отмечали, что такая трапеза является традиционной для этого дня. В советское время, по рассказам наших информантов, не было принято устраивать совместную общинную трапезу, но тем не менее все после посещения кладбища в этот день шли на берег реки и устраивали либо своей семьей, либо с друзьями такого рода пикник. Начиная с 1990-х гг., когда образовалась община, устраивается общее застолье, стол накрывался в разных местах: иногда на берегу реки (как это было в 2017 и 2016 гг.), иногда при входе на кладбище – около братской могилы – и устраивалось символическое угощение (выпивка и бутерброды). Еще говорили о том, что в этот день жгут костры, впрочем, непонятно, насколько этот обычай старый, хотя упоминали о нем все. В 2017 г. в этот день был сильный ветер, и несмотря на то, что разрешение от пожарников на устройство костра было получено, жечь его не стали.

Надо заметить, что традиционный запрет на посещение кладбища для детей, у которых живы родители, часто фиксировавшийся нами в Подолии, а также в Невеле, в Сураже неизвестен: в этот день на кладбище были дети, и многие рассказывали о том, что в детстве посещали в этот день кладбище вместе с родителями¹³.

Для сравнения: в соседней Унече Лаг ба-Омер – тоже поминальный день¹⁴, но никаких совместных мероприятий в этот день не было,

¹³ Однако в соседней Унече один из наших информантов сказал, что именно в Лаг Беймер детей не брали на кладбище, существовал запрет ходить туда, если родители живы, но в другие дни дети могли ходить на кладбище, а сам рассказчик в частности ходил с бабушкой и дедушкой. Кроме того, он отметил, что в этот день на кладбище не здороваются, потому что приходят к мертвым, и нужно «здороваться с ними». [Unech_17_01_Heifec_1]

¹⁴ Евреи в Унече появились позже, чем в Сураже, только в конце XIX – начале XX вв., когда началось строительство железной дороги, и Унеча стала крупным железнодорожным узлом. Еврейское кладбище в городе – это отдельный участок на общегородском, сейчас на этом участке можно увидеть христианские захоронения с крестами, так как в городе много смешанных браков, а членов одной семьи хоронят рядом.

даже ящик для сбора цдаки не ставили. Все приходили в удобное время, приносили цветы – живые или искусственные, – хотя и говорили о том, что нужно носить камни. Говорили также о том, что трапезу на могиле устраивать не принято, но многие символически что-то едят, пьют (приносили компот и пр.). Яков Хейфец – один из старейших членов общины – поставил в углу кладбища стол и скамейку, чтобы не ели на могилах, сам он устроил трапезу именно там (она состояла из бутербродов с беконом, крашенных яиц, лука и водки):

Соб.: А вот нам рассказывали, что на этот день яйца красят.

Инф.: У меня с собой есть. Я принес.

Соб.: А что с ними нужно делать? Как есть?

Инф.: Нужно выпить сто грамм и заесть яйцом.

Соб.: А как красят?

Инф.: В луке. Евреи красят в луке.

Соб.: А где это нужно делать? На общем столе?

Инф.: Да, я, вот, сделал. Евреи не едят на могилах. Я сделал стол. <...> Вот – должно быть – пожалуйста, дедушка меня учил: ты обязан выпить в этот день [Лаг Беймер], обязан помянуть, но не на кладбище, а отошел от кладбища – сделай стол. Раньше был стол, но он поломался, я его возродил. [Unech_17_01_Heifec_1,2]

При этом он же отметил, что раньше после посещения могил родственников все садились в автобусы и ехали на место расстрела, т.е. посещали в этот же день и братскую могилу:

Соб.: Здесь нету такого, что евреи ходят к 9 мая или в какой-то день к мемориалу расстрельному?

Инф.: Обязательно ходят.

Соб.: В какой день?

Инф.: К какому мемориалу? К 9 мая возлагаем венки там. А раньше, когда жили родители мои, деда, тут было, места не было, где упасть, столько евреев на Лаг Беймер было, ну, на Радуницу. Тут стояло два автобуса. Выходили, садились в эти автобусы и ехали на Яму. Тут тоже митинг, молитву читали тоже. [Unech_17_01_Heifec_2]

Вообще все говорили о том, что кроме Лаг Беймера принято ходить на кладбище 9 мая, потому

Приготовление еды на Лаг ба-Омер, Сураж (май 2017 г., фото из архива Центра «Сэфер»)

что здесь похоронено много участников войны, и могилы все были убраны до праздника.

Надо отметить, что евреи в Унече и Сураже в интервью отмечали, что им известно, что не во всех общинах принято ходить на кладбище в этот день, и раввины, которые приезжали к ним в 1990-е и с которыми они встречаются в Брянске сейчас, рассказывали им о том, что это «веселый» праздник. Тем не менее традиция посещения кладбища в этот день является самой важной и самой «еврейской» в современной ситуации этих местечек, именно это подчеркивает принадлежность и включенность в еврейскую общину.

Обрядовая еда: крашеные яйца

В большинстве общин, в которых нам приходилось работать прежде, наши информанты рассказывали (да и мы сами неоднократно наблюдали), что поминальной едой на йорцайт является *лекех ун бронфен*¹⁵, т.е. обычно какой-либо сладкий бисквит и водка. В Унече наш информант Яков Хейфец сказал, что обязательно на *Лаг Бей-*

мер красят яйца и приносят их на кладбище; так, он сам попросил свою невестку перед праздником покрасить яйца и действительно ел их на кладбище:

Соб.: А дедушка Ваш как делал?

Инф.: На Лаг Беймер? Молился и камушки ложил.

Соб.: А яйца при нем красили?

Инф.: Конечно. Бабушка красила всё время с луком. И вчера мне брата жена выкрасила, вот, с луком. [Unech_17_01_Heifec_2]

Многие наши информанты (особенно пожилые) в Рославле говорили о том, что на этот праздник действительно красили яйца, но о том, что их берут на кладбище, не упоминал никто. А вот в Монастырщине и Починке в Смоленской области описывают, что так делали:

Инф.: Да. После еврейской Пасхи...

Соб.: А как это называется?

Инф.: Ну по-русски Радуница, а по-еврейски тоже не знаю.

¹⁵ Букв. – пряник и водка (идиш).

Общинная трапеза на Лаг ба-Омер, Сураж (май 2017 г., фото из архива Центра «Сэфер»)

Соб.: Евреи ходили?

Инф.: Да, да, ходили, ходили. Собирались и все ходили. Они красили тогда яички, красили, я знаю. И ходили. Да. Они катали по могилке. Я это точно знаю.

Соб.: А какого цвета яйца, как красили?

Инф.: Яйца красили в луковую шелуху.

Соб.: И прямо приходят на кладбище в этот день и катают по могилке?

Инф.: Да. [Poch_16_01_Medvednikova]¹⁶

¹⁶ Ср. интервью из Монастырщины:

Инф.: Мамаша знала, типа русская Радоница [так!], а у нас памятный день какой-то, она красила, она знала, я ничего это не знал, в августе примерно.

Соб.: Она эти яйца кому-то раздавала или что?

Инф.: Нет, ничего. Сами ели яйца, на могилу ходили.

Соб.: Это на могилу яйцо?

Инф.: Ходили, у нас же еврейское кладбище отдельно от православного.

Соб.: А чем красили?

Инф.: Яйца красили шелухой, чем еще можно красить.

Соб.: А играли как-то этими яйцами?

Инф.: Стукались по русскому обычаю. [Mon_15_05_Lejtes]

Вообще обычай на этот праздник красить яйца был зафиксирован и в некоторых других местечках, в том числе и в таких, где в этот день не было принято ходить на кладбище. Так, например, подробно игры с крашеными яйцами описывает в своем родном Бобруйске (Белоруссия) Шмарьягу Левин, кроме того, эта практика была зафиксирована во многих местечках Латгалии [см. подробнее: Амосова 2016, 32–34]. Тут надо отметить, что для Рославля и Суража характерна в настоящее время несколько иная поминальная еда, то, что описывается формулой *лекех ун бронфен*, скорее здесь сейчас не принято, и неясно, было ли принято раньше. Если отметить на карте места, где Лаг ба-Омер является поминальным днем, а также обозначить те местечки, в которых было принято красить яйца в этот день, то мы увидим, что здесь есть частичное совпадение – такой зоной является Смоленщина и часть Брянщины. Так, например, никто из коренных жителей Суража про крашеные яйца на Лаг ба-Омер никогда не слышал, но летом 2016 г. мы нашли оставленную на могиле скорлупу от такого яйца; в этом случае трудно сказать, оставили ли скорлупу нееврейские родственники или друзья или же это свидетельство того, что в каком-то виде эта традиция извест-

на в Сураже (единственная наша информантка, которая рассказала о том, что ее мама и бабушка в Сураже красили яйца в указанный день, была родом из Смоленска и переехала с семьей в город в 1948 году)¹⁷.

Формульные тексты

Как я уже отмечала, практика чтения кадиша сейчас почти отсутствует во всех общинах. Кроме кадиша, который обычно читает какой-либо специальный человек, большинство наших информантов из Подолии самостоятельно произносят на могиле специальный текст, обычно на идише, с формулой «лойф ин бет». Вот один из примеров таких текстов: «*Папочка, тоте, эх бейт дех, лойф ин бейт ин ди кинде. Ломир зайт гезинт, лоз зей фирн аф дер велт, ломир `обм парнусе, ломир зайн гезинт, лоз зайн штил аф дер велт <...>* [Папа, я прошу тебя, беги и проси за детей. Пусть мы будем здоровы, пусть у них все будет в порядке, пусть у нас будет заработок, пусть будет тихо в мире <...>]» [Дымшиц 2008, 145]. Кроме того, в Подолии существует практика в случае, если в семье какие-то неприятности (болезни и пр.), идти на могилу родных и обращаться к ним с тем, чтобы они просили бога за своих родственников. В этом случае произносится такой же текст на иди-

ше [Там же]. Для региона Смоленщины и Брянщины оказалось совершенно нетипичным посещение кладбища в случае какой-либо проблемы или беды в семье. Об этой практике почти никто не знает. Одна из женщин в Смоленске, родившаяся в Рославле, рассказала, что, когда у нее возникла проблема в семье, она специально ездила на кладбище в родной город, но она узнала, что так нужно делать из некоей книги, а дома так никогда не делали и никто из родных ничего подобного не рассказывал:

Инф.: У меня восемь лет назад горе большое случилось, и я ездила на еврейское кладбище, у меня есть тагилим, там именно молитвы, которые читают на кладбище. Помню, читала одна, будний день, какие-то мужики идут, я за дерево спряталась, страшно. Но во всяком случае мне это помогло. <...>

Соб.: А, вот, Вы сказали, что какие-то сложности, что надо ходить на кладбище, это Вы где-то прочитали или Вам рассказывали?

Инф.: Да. По-моему, где-то прочитала.

Соб.: Так мама не дела?

Инф.: Мама – нет. Это я читала в журнале. Где-то я читала, молитвы, которые читают на кладбище, и там их много. [Smol_16_07_Saksonova]

Рассказывая о том, что говорят/читают на кладбище, некоторые наши информанты говорили, что произносят некоторый текст «мысленно»:

У нас два раза в год: было 10 мая, вот – сегодня. Стараемся убрать могилки, прийти, побыть с ними. Внутренним монологом говорю с ними. Положу руку на памятник и прошу. [Ros_15_02_Kozlova]

Нам все-таки удалось один раз зафиксировать традиционный формульный текст, который произносят на идише: «...*зай а гутер бетер*, что значит “проси за меня, за мою жену, за моих детей”» [Uneh_17_01_Heifec_1]¹⁸.

¹⁷ Инф.: Да. Каждый год мы ходим по несколько раз, навещаем, могилки убираем.

Соб.: А когда ходите навещать могилки?

Инф.: Ходим, по-русски это Радуница, а у нас это Лаг Беймер. И в день смерти ходим.

Соб.: А вот Лаг Беймер – это когда?

Инф.: Лаг Беймер – это после еврейской Пасхи, через 33 дня.

Соб.: И что вы делаете на Лаг Беймер?

Инф.: Здесь мы собираемся в общине. А накануне к своим ходим, где что почистим.

Соб.: А яйца не красят на Лаг Беймер?

Инф.: Красят, я помню, мама и бабушка тоже красили. Я уже не крашу.

Соб.: Мама и бабушка красили яйца на Лаг Беймер?

Инф.: Да.

Соб.: А они как их красили?

Инф.: Шелухой от лука красили, желтенькие были.

Соб.: А зачем так делали?

Инф.: Не знаю, так, наверное, положено.

Соб.: А потом с этими яйцами что-то делали?

Инф.: Потом их ели. [Sur_16_18_Prigozhaja]

¹⁸ Ср. цитату из письма, которое было написано в 1960-е гг. уроженкой города Прейли (Латгалия) и адресовано матери нашей информантки: «...нашла могилку (еще не было памятника) где все трое мой муж и твой

То есть по смыслу он близок к тому, что произносят в Подолии, но тем не менее очевидно, что эти тексты содержат различные формулы, причем текст из Подолии гораздо более развернутый. Важно и то, что и приведенный текст, и сама традиция хорошо известна евреям в Подолии, что подчеркивает большую значимость этой практики в данном регионе, между тем для рассматриваемого в этой работе региона характерно крайне слабое знание о таких текстах.

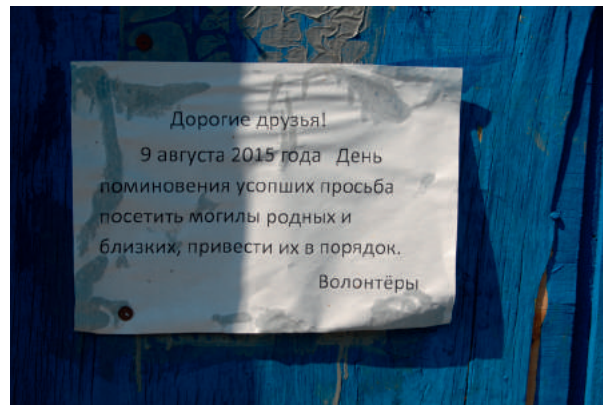
Вообще такого рода этнографические и фольклорные данные (как, например, формульные тексты или же практика красить яйца на Лаг ба-Омер) наряду с датами поминальных дней, которые, как мы видим, варьируются в разных регионах, являются довольно важными маркерами для определения культурно-исторических границ групп еврейского населения. Подобного рода картографирование уже проводилось на основе диалектных данных идиша и на основе «гастрономических» данных – различия в рецептах приготовления фаршированной рыбы [см., например: Katz б.г.; Herzog 1965; подробнее об этом: Levin, Staliūnas 2016]. В дальнейшем интересно было бы совместить все эти данные.

* * *

В результате наших наблюдений и интервью мы можем сделать некоторые выводы относительно существующей сейчас традиции поминовения в тех местечках Смоленщины и Брянщины, где еще сохраняются еврейские общины. Для данного региона характерен ряд устойчивых традиций, связанных с поминовением. Первое и самое важное – это сроки поминальных периодов, которые, несмотря на некоторые изменения, все же

родители, верные друзья спят разом. Пусть земля им будет пухом. *Zay zolzen zayn gute beters for undz.* Я думаю, что ты поняла, что я написала в переводе, чтобы они старались для нас и молились за нас, так говорят евреи» [Riga_11_01_Nashatyr'] (орфография и пунктуация источника сохранены).

В одном из интервью, записанном в Брянске, информантка рассказала о традиции называть новорожденных в честь умерших, потому что тогда тот, в честь кого назвали ребенка, становится «a gute beteg», т.е. «будет просить только о хорошем Бога для этого ребенка» [Br_08_Tzitron_005].

Объявление на кладбище в Рославле (август 2015, фото из архива Центра «Сэфер»)

остаются вполне традиционными и связанными с еврейским календарем. Все остальные практики и правила поведения на кладбище в данный момент скорее являются окказиональными и зависят от той или иной общины, а чаще данный выбор является вообще индивидуальным и зависит от человека (приносить цветы или камни на могилу, устраивать трапезу или нет и т.п.).

Ряд исследователей, которые анализировали разного рода еврейские практики в советское и постсоветское время, писали о некоторых специфических особенностях сохранности традиции. Так, например, Цви Гительман высказал идею о том, что существует два типа еврейской культуры – «насыщенная» и «тонкая», и эта «тонкая культура», т.е. идентичность без каких-либо полноценных этнических характеристик (таких, как язык, религия, обряды, кухня, костюм, музыка и регион компактного проживания), преобладала у советских и постсоветских евреев [Gitelman 2003, 49]. Эта концепция уже много раз подвергалась критике, и, как нам кажется, правильнее говорить о разных «слоях» сохранности традиции. Так, Саша Голубофф и Харви Гольдберг подчеркивают важность разделения в рамках еврейских традиций на мужские и женские обязанности. Мужские обязанности в частности включают знание еврейских религиозных текстов [Голубофф 2015, 33], в то время как женщины не изучают религиозный текст, а получают знание по-другому, приносят в еврейскую традицию много индивидуального, не основанного на книгах [Goldberg

2003, 23]. Мы видим, что в советское время знание религиозных текстов утрачивается, мужчины уже не могут читать сами кадиш на могилах, а если в том или ином сообществе нет «ритуального специалиста», который бы мог это сделать (как это, например, до последнего времени было в Невеле), то данная практика исчезает совсем.

Напротив, традиции и практики, основанные на устной передаче и регулярном воспроизведении, продолжают так или иначе существовать в индивидуальной или же групповой практике (как, например, трапеза на Лаг ба-Омер). Интересно, что это традиционное разделение обязанностей на мужские и женские мы можем увидеть в по сути заново созданных обрядах на Лаг ба-Омер в Сураже: мужчины устраивают «митинг» – читают молитву, зажигают свечи, произносят речи, часть женщин лишь молча присутствуют и наблюдают со стороны или вообще заняты подготовкой трапезы. В этом контексте нам вслед за Жанной Корминой и Сергеем Штырковым, которые анализировали процессы, связанные с возрождением православной жизни в постсоветской России, интересна концепция *recycling*, сформулированная антропологом Соней Лурман, которая предлагает «описать постсоветские изменения как процесс *recycling*, т.е. вторичного использования чего-то, вышедшего из употребления, поскольку это что-то устарело, сломалось или просто перестало быть нужным. В качестве антропологического термина Лурман предлагает понимать под *recycling* работу по трансформации умений, когнитивных и дискурсивных привычек людей, а также по реконструкции зданий и городских/сельских ландшафтов, направленных на то, чтобы сделать их полезными для использования в новом контексте, на который они изначально не были рассчитаны» [Кормина, Штырков 2015, 8]. Но, как нам кажется, эта концепция применима к изменениям в еврейской жизни и в советское время, когда трансформировались и менялись еврейские традиции. В частности, таким изменением можно считать «перенос» поминальных дней с традиционных дат по еврейскому календарю на ближайшее воскресенье. Если говорить о постсоветском времени, то традиция проводить «митинг» на кладбище, т.е. некоторое торжественное совместное мероприятие, в которое вклю-

чена сейчас еще и молитва, имеет явно советские корни, хотя в советское время такой практики на кладбище не было.

Описывая современные еврейские традиции на Брянщине и Смоленщине, нужно говорить не о «сохранности» традиции, а скорее о создании новой еврейской традиции, но не на основе еврейских религиозных текстов, а в большей степени на практиках, сформировавшихся в результате взаимодействия устного «традиционного» домашнего знания («так делали всегда родители») и некоторых общих советских и постсоветских традиций, имеющих разнородное происхождение.

Источники

Шнеур 2012 – Шнеур З. Шкловцы. М., 2012.

Lancmanis и др. 1933 – *Lancmanis Z., Šalfejevs B., Novoselovs J. Rīgas vārtos: priekšpilsētas, nomales, apkartne*. Rīga, 1933.

Br_08_Tzitron_005 – зап. в Брянске, от Евгении Иосифовны Цитрон, 1934 г.р., род. в Бежице (в настоящее время район Брянска). Соб. Д. Терлецкая, И. Шатин (архив Центра библеистики и иудаики РГГУ).

Riga_11_01_Nashatyr' – зап. в Олайне (Латвия), от Яхи Эфраимовны Нашатырь, 1942 г.р., род. в Татарстане. Соб. С. Амосова, М. Гехт (архив музея «Евреи в Латвии»).

Nev_08_27_Monosov – зап. в Невеле, от Григория Яковлевича Моносова, 1947 г.р., род. в Невеле. Соб. М. Васильев, Е. Кушнир, А. Львов, О. Шайдук (архив Центра «Сэфер»).

Ros_15_01_Gamburg – зап. в Рославле, от Лилии Петровны Гамбург, 1948 г.р., род. в Несвиже. Соб. С. Погодина, Е. Орлофф, В. Мочалова (архив Центра «Сэфер»).

Ros_15_02_Kozlova – зап. в Рославле, от Серафимы Владимировны Козловой, 1929 г.р., род. в Рославле. Соб. С. Погодина, Е. Орлофф, В. Мочалова (архив Центра «Сэфер»).

Ros_15_05_Mirkina – зап. в Рославле, от Брониславы Наумовны Миркиной (Шихваргер) (Инф. 1), 1929 г.р., род. в Виннице; ее дочери Елены Иосифовны, 1955 г.р., род. в Рославле (Инф. 2). Соб. О. Левчук (архив Центра «Сэфер»).

Mon_15_02_Cherniny – зап. в Монастырщине, от Софьи Исаковны Черниной (Малкиной) 1930 г.р., род. в Монастырщине; Славия Григорь-

евича Чернина, 1937 г.р., род в Хиславичах. Соб. С. Амосова (архив Центра «Сэфер»).

Mon_15_05_Lejtes – зап. в Монастырщине, от Венеамина (Беньямина) Юдовича Лейтеса, 1949 г.р., род. в Монастырщине. Соб. М. Вонс, Я. Михайлова, А. Савинова, А. Юдкина (архив Центра «Сэфер»).

Roch_16_01_Medvednikova – зап. в Починке, от Зинаиды Юдовны Медведниковой (Горбачевой), 1946 г.р., род. в Починке. Соб. М. Каспина, О. Карташова (архив Центра «Сэфер»).

Roch_16_05_Fragina – зап. в Починке, от Веры Ильиничны Фрагиной, 1937 г.р., род. в Починке. Соб. М. Каспина, О. Карташова (архив Центра «Сэфер»).

Rosl_16_07_Ryklich – зап. в Рославле, от Раисы Израилевны Рыклич (Кац), 1949 г.р., род в пос. Клетня (Брянская обл.). Соб. С. Амосова, И. Юдина (архив Центра «Сэфер»).

Smol_16_07_Saksonova – зап. в Смоленске, от Розалии Григорьевны Саксоновой, 1947 г.р., род в Рославле. Соб. С. Амосова, О. Карташова (архив Центра «Сэфер»).

Sur_16_18_Prigozhaja – зап. в Сураже, от Марии Зиновьевны Пригожей (Елиной), 1940 г.р., род. в Смоленске. Соб. С. Погодина, Т. Пилиповец (архив Центра «Сэфер»).

Unsch_17_01_Heifec_1,2 – зап. в Унече, от Якова Леонидовича Хейфеца, 1951 г.р., род. в Унече. Соб. М. Каспина, Д. Веденяпина (архив Центра «Сэфер»).

Литература

Амосова 2016 – *Амосова С.* Некоторые особенности календарных праздников у евреев в Латгалии // Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Ч. 2 / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016. С. 27–39.

Белова 2015 – *Белова О.В.* Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей // Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова. М., 2015. С. 92–114.

Голубофф 2015 – *Голубофф С.* Общины траура: погребальные плачи горских евреев в селе Красная Слобода (Азербайджан) и в интернете // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 31–64.

Дымшиц 2008 – *Дымшиц В.А.* Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл XXI век: Полевые исследования / Под ред. В. Дымшица, А. Львова, А. Соколовой. СПб., 2008. С. 135–158.

Кормина, Штырков 2015 – *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / Под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб., 2015. С. 7–45.

Altshuler 2012 – *Altshuler M.* Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964. Massachusetts, 2012.

Gitelman 2003 – *Gitelman Z.* Thinking About Being Jewish in Russia and Ukraine // Jewish Life After the USSR / Ed. Z. Gitelman. Bloomington, 2003. P. 49–60.

Goldberg 2003 – *Goldberg H.* Jewish Passages: Cycles of Jewish Life. Berkeley, 2003.

Herzog 1965 – *Herzog M.* The Yiddish Language in Northern Poland: Its Geography and History. Bloomington, 1965.

Katz б.г. – *Katz D.* Litvish: An Atlas of Northeastern Yiddish. <http://www.dovidkatz.net/WebAtlas/AtlasSamples.htm> (Дата обращения: 11.11.2017).

Smilovitskii 2014 – *Smilovitskii L.* Jewish Life in Belarus: the Final Decade of the Stalin Regime, 1944–1953. N.Y., 2014.

Levin, Staliūnas 2016 – *Levin V., Staliūnas D.* Lite on the Jewish Mental Maps // Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century/ Ed. D. Staliūnas. Brighton, MA, 2016. P. 312–370.

Veidlinger 2013 – *Veidlinger J.* In the Shadow of the Shtetl: Small Town Jewish Life in Soviet Ukraine, 1919–1953. Bloomington, 2013.